

Слова года в непрямом диалоге с властью*

Несмотря на интенсивное внедрение в публичный дискурс огромного пласта заимствованной лексики, победителями проводимого ежегодно в течение десятилетия конкурса «Слово года» систематически избираются отнюдь не гуляющие на просторах Интернета англицизмы, а, напротив, неологизмы, созданные на русской словообразовательной базе. Специалисты Экспертного совета конкурса убеждены, что именно такие слова и словосочетания как *избирательная кампания, расхилокрапия, москватизация, всегодяй* отражают умонастроения людей, служат индикаторами эмоционального и интеллектуального состояния общества. В массе своей новые слова, выражения и фразы — победители конкурса разных лет — имеют яркий иронический оттенок, несут в себе подтекстную насмешку. Обращение к ней в публичном дискурсе — частая реакция на язык официоза (*здравохоронение, бананотехноло-*

гии, пиллинг и откатинг, Осколково). В диалоге с властью, в условиях признаваемой сегодня аналитиками политизации языка, активно ведется постоянная игра на понижение смыслов. Примеры такой игры, снижающей пафос высказываний власти, а также оценку ее действий, и рассматриваются в статье в трех плоскостях: в контексте особенностей современного российского публичного дискурса, в контексте традиции развития русской культуры в целом, а также в свете характерных для наших дней изменений русского языка и навыков владения им.

Ключевые слова: реакция на язык официоза, языковая игра, ирония, насмешка, слова и выражения года.

Алла Корниенко

научный сотрудник

Социологический институт - филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Характерной приметой языковых изменений наших дней является обильный поток заимствований, влившихся в русский язык в конце XX века и продолжающий активное вторжение в русский лексикон и ныне. Мощь этого потока, по мнению лингвистов-лексикографов, сравнима разве что с мощью целого арсенала иноязычных слов, внедрившихся в наш язык в петровскую эпоху, когда Россия решительно повернулась в сторону Запада. Сегодня на просторах Интернета, в традиционных СМИ, в повседневных разговорах и деловом общении то и дело мелькают англицизмы, обозначающие пришедшие к нам новые реалии, профессии, виды деятельности (*айтад, айфон, гаджет, айтишник, пиар, маркетинг*). Однако отнюдь не популярные заимствования становятся призерами ежегодно проводимого в России в течение десятилетия конкурса «Слово года»; ими, напротив, признаются слова, созданные на русской словообразовательной базе.

Конкурс «Слово года» и его победители

Несколько слов о самом конкурсе. Его начало было положено в 2007 году, а его инициатором и куратором выступил известный филолог, философ и культуролог М.Н. Эпштейн. В задачи конкурса входило выявление тех уже укорененных в языке слов, выражений и фраз, а также неологизмов, которые в текущем году получили общественное звучание, обрели общественный резонанс. Именно они, с точки зрения организаторов конкурса, отражают подлинные умонастроения людей, служат показателями эмоционального и интеллектуального состояния общества (Эпштейн 2013). Определяет призеров конкурса Экспертный совет при Центре развития русского языка, сплотивший видных лингвистов, писателей, журналистов и культурологов. Первичный материал собирается через социальную сеть Фейсбук и подразделяется на четыре группы, две из которых — **Слово года** и **Выражение/Фраза года** — охватывают бытующие в русском языке лексические единицы. **Неологизм года** объединяет новые слова, выражения и фразы, а группа, именуемая **Антиязык**, аккумулирует официальные высказывания власти, относящиеся к контрольному периоду.

По итогам экспертного голосования в разные годы призером конкурса избирались слова:

гламур, блог — 2007 (обе лексемы, заметим, заимствованные и неполитизированные; со следующего года отчетливо проявляются «русскость» слов-претендентов и их политизация, ставшие в дальнейшем доминирующими их чертами), **великодержавность — 2008, Болотная — 2012, евромайдан —**

2013, бандеровцы, крымнаш (именно в таком, слитном написании, которое оформилось очень быстро) — **2014, беженцы — 2015, брекзит, неужезант — 2016**. В номинации «Выражение/Фраза года» побеждали обороты **антисиротский закон, гуманитарный конвой, гибридная война, высказывания хватит кормить Кавказ, правда в силе: кто сильнее, тот и прав** (Эпштейн 2014).

Многие слова и выражения — призера конкурса — несут в себе насмешку, под которой в языке повседневности понимается «обидная шутка по поводу кого-то, чего-либо» (Большой толковый словарь русского языка 1998: 600). Терминологическое значение лексемы «насмешка» содержит важные дополнения. Во-первых, подчеркивается преднамеренность насмешки: она всегда вызвана стремлением говорящего сказать собеседнику неприятное, подвергнуть его осмеянию, «побольнее уколоть» (Ю.В. Щербинина). Во-вторых, насмешка трактуется как одна из форм выражения речевой (иначе, вербальной) агрессии, того, что несет в себе ген оппозиционности говорящего по отношению к собеседнику (Е.Н. Басовская). В-третьих, в насмешке усматривается действенное средство вытеснения говорящим своих отрицательных эмоций и чувств: страхов, зависти, а значит улучшения его психологического состояния (В.И. Карасик). В семантическую формулу (фрейм) лексемы «насмешка», репрезентирующую стандартную для данной языковой единицы ситуацию, специалисты включают, как необходимый минимум, три элемента: 1) шутка, 2) причиняющая обиду, 3) свидетельствующая о несерьезном отношении к объекту (Карасик 2013: 117). Функционально насмешка в дискурсе всегда понижает самооценку или оценку субъекта либо объекта оценивания. Другое ее предназначение — снижать пафос, патетику чьих-либо высказываний.

Пропитанные насмешкой слова, неологизмы, выражения и фразы года, как правило, являют собой реакцию на высказывания и/или действия властей. Госдума в сетевом общении сегодня уже нередко фигурирует как **Госдура**. Парадоксальное новообразование, произнесенное в эфире несколько лет назад Владимиром Познером и быстро подхваченное СМИ, завоевало звание «Слово года-2013» и запечатлело нелицеприятную оценку российского парламента. Едва начавшаяся избирательная кампания каламбурно переименовывается в **избирательную** (2011), апелляции власти к реформе здравоохранения оборачиваются оксюмороном **здравохоронение** (2011), передача руководства Академией наук чиновникам ФАНО порождает **проФАнацию науки** (2013) и образованный по ана-

* В своей книге «Нулевые на кончике языка» Г. Гусейнов дает такое сжатое описание российской экономики нулевых годов: экономика РОЗ - Распила, Отката и Заноса. См. Гусейнов Гасан. Нулевые на кончике языка. Краткий путеводитель по русскому дискурсу / Г. Гусейнов. - М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С. 173.

* Работа выполнена по государственному заданию (тема «Социально-культурные изменения и структурирование властных отношений в современной России», № АААА-А17-117030110144-3).

логии со словом умопомрачение неологизм наукопомрачение (2013), текущее положение дел в отечественной экономике привычно маркируется выражением **пилинг и откатинг**.*

Другие примеры слов года и претендентов на это звание: **распилократия, бананотехнологии, обсирились, двуум-вират, криминалссимус**, а также:

гиподержава — держава на пути к упадку,

карманизация — растаскивание бюджетных средств по карманам чиновников,

депардировать (производное от Депардье и депортировать) — получать новое гражданство вместе с налоговыми льготами, почетом и роскошью, которыми окружает тебя страна, куда ты «депардируешься»,

москватизация — скупка московским бизнесом недвижимости в регионах.

Из фраз и выражений назовем победителей конкурса 2011 и 2013 гг.: высказывания **вперед в темное прошлое, что-то пошло не так, партия жуликов и воров, наш дурдом голосует за Путина, егэизация сознания, свалить и забить, куды бечь**.**

Насмешка и ирония как реакция на официоз

Приведенные примеры говорят о многом. Прежде всего, они свидетельствуют о политизации языка и общественного дискурса. В условиях отсутствия публичной политики, возможностей беспрепятственной манифестации своих политических взглядов (вспомним пресловутое «*Парламент — не место для дискуссий*»), сужения пространства гражданских свобод, давления на СМИ неизбежно политизируются все сферы общественной жизни. Сегодня мы то и дело сталкиваемся с яркими доказательствами политизации науки, образования, искусства. Не остается в стороне от ознаненного процесса и сам язык, обеспечивающий социальную коммуникацию.

Кроме того, воспроизведенные нами слова, выражения и фразы года демонстрируют постоянно идущую в непрямом диалоге с властью игру на понижение оценочных смыслов. В подобной игре, как реакции на институциональный голос власти, действенным средством выражения отношения людей к текущему положению дел в стране активно выступает насмешка. Она преднамеренно обеспечивает снижение оценок и самооценку усилий власти равно как и пафос ее высказываний. Непреднамеренно идущие от власти призывы к позитивному мышлению обыгрываются в словоформах **пазитифф** и **пазитиффчик**, а ее апелляции к политической стабильности оборачиваются не просто насмешливым, но насмешливо-уничтожительным словом стабилизец, превращающим почитаемую во всем мире политическую ценность в клеймо тупика развития. С насмешкой сопряжен эффект дистанцирования, противостояния власти, берущий начало в неизбежности мы/они-дифференциации. Насмешка помогает справляться со страхами. Она полифункциональна: ею можно выражать не только несогласие со сложившейся ситуацией, но и вялое согласие, усталость, пассивность, неверие в возможность позитивных изменений. Весьма показательна, что отлитая в граните (по словам Д. Медведева) крылатая фраза В.С. Черномырдина **хотели как лучше, а получилось как всегда** теперь звучит по-новому: **хотели как лучше, а получилось навсегда**. Вкупе с выражением как-то так, буквально заполонившим Фейсбук и Живой журнал и признанным победителем конкурса 2013 г., она лучше отвечает духу наших дней. По смыслу сюда же тяготеет и отмеченное в последние годы популярностью междометие **увы**, выступающее антитезой браваурному «ура», не ставшее словом го-

да-2016 лишь потому, что по условиям конкурса в нем участвуют только однозначные слова. Приведенный нами перечень призеров конкурса «Слово года», несомненно, говорит и о креативных способностях носителей языка, проявляющихся в их речевом творчестве. Наконец, главное: **религарх** (новообразование, встречающееся, по оценке М.Н. Эпштейна, на 30 тысячах страниц Фейсбука и несущее в себе идею сращения религиозной и государственной верхушки.), **кадыринг**, означающий политический процесс усиления одной фамилии, **пустоводство**, подразумевающее разведение пустоты преобладающей формой общественной деятельности, **РосПил**, маркирующий печально знакомое явление — не просто неологизмы, пропитанные разоблачительной, осудительной или презрительной насмешкой. Это еще и хлесткий социальный диагноз, свернутый в одно слово, являющий собой не только новообразованную лексическую единицу, но и новый и самый краткий литературный жанр, получивший у М.Н. Эпштейна название «однословие» и практикующий максимум смысла в минимуме языкового материала (Эпштейн 2004).

Рука об руку с насмешкой в игре на понижение оценочных высказываний участвует их иронический тон. Мы осторожно и с оговоркой используем термин «ирония» применительно к рассматриваемому речевому материалу в силу имеющей хождение в отечественной лексикографии некоторой неточности, заключающейся в представлении указанного термина в словарях и справочниках лишь в одном значении — как «тропа, состоящего в употреблении слова или выражения в смысле обратном буквальному с целью насмешки» (Культура русской речи 2003: 229). Так, в уважаемом специализированном издании в статье, посвященной иронии, находим: «В стилистике ирония — выражающее насмешку или лукавство иносказание, когда слово или высказывание обретают в контексте речи значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его, ставящее под сомнение» (Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2003: 227). Толковые словари, формулирующие значения лексических единиц как элементов русского литературного языка, также трактуют иронию как тонкую, скрытую насмешку, стилистический оборот, в котором «преднамеренно утверждается противоположное тому, что думают о лице или предмете» (Большой толковый словарь русского языка 1998: 398). Классический пример иронии в приведенном значении находим в словах Сергея Гуляева, произнесенных им в бытность кандидатом в депутаты петербургского парламента на выборах прошлого года. Отзываясь о лидере партии «Справедливая Россия» Сергее Миронове, он назвал его самым «честным смелым и принципиальным» оппозиционером, припомнив, что будучи лидером «оппозиционной партии» Мионов в 2007 г. предложил на пост президента России выдвиженца от партии власти (Д.А. Медведева), а в 2009 г. на встрече активистов с уже избранным президентом Медведевым заявил, что стоит на принципиальной позиции — согласия со всеми президентскими инициативами (Гуляев 2016).

Воспроизведенные дефиниции, напрямую связывающие иронию с иносказанием, выводят ее за рамки анализируемых нами слов года, поскольку в последних нет подразумеваемых обратных смыслов. В словах, выражениях и фразах, будь то **криминалссимус, гиподержава, пилинг** и **откатинг**, что-то пошло не так, вложенные в высказывания смыслы эксплицитны и не требуют переворачивания. Вместе с тем термин «ирония» двуслоен; им, как констатирует Словарь-справочник «Культура русской речи» в то же время «обозначается «вид комического, в котором критическое отношение к объекту осме-

* Примеры взяты нами из уже упомянутых источников - публикаций М.Н. Эпштейна "Слова как символы эпохи" и "Язык - не зеркало общества..." в электронной версии журнала "Сноб". Последние выражения мы позаимствовали из статьи Л.Н. Столовича "Слово, которое было в конце", в которой автор, желая привлечь внимание профессиональных социологов к конкурсу "Слово года-2011", приводит весь языковой материал, рассмотренный Экспертным советом (См. Столович Л.Н. Слово, которое было в конце. Конкурс слов 2011 года и десятилетия 2001-2011 как материал для социологических раздумий. // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012. № 1 (91). С. 31-34).

яния носит осуждающий характер и выражается в несколько завуалированном виде» (Культура русской речи 2003: 227). Как вид комического, как особый стилистический эффект ирония может выражаться целым набором речевых приемов. Их-то мы и обнаруживаем в призерах конкурса «Слово года». Изменение либо перестановка одной или нескольких букв преобразовывает избирательную кампанию в **извирательную**, а здравоохранение в **здравохоронение**. Тем же способом музыкант, накопивший на офшорном счету миллиарды долларов, играя на духовных «скрепах», из скрипача превращается в **скрепача**. С помощью логического несоответствия создается иронический эффект слов **Госдура, наукопомрачение** и фразы **вперед в темное прошлое**. Прием обманутого ожидания задействован в выражении партия **жуликов и воров**, а замена суффиксов сообщает едкую иронию **пилингу** и **откатингу** и трансформирует в грубую брань новообразование **стабилизец**. Контаминация или «междусловное наложение» (А.Ф. Журавлев) порождает слова-гибриды вроде **религархия** или **молчевидец** — так называют того, кто видит, но молчит. Все вышеозначенные и многие другие речевые приемы, включая в языковую игру и смешиваясь с насмешкой, помогают говорящему обличить в соответствующую языковую форму свое критическое отношение к реальности, в которой он усматривает забвение нормативных предписаний и воцарение антинормы.

Поместим слова, выражения и фразы года, воплотившие в себе результаты языковой игры, в более широкий контекст и взглянем на них с позиций присущих современному российскому публичному дискурсу черт, а также фундаментальных особенностей развития русской культуры в целом и текущих изменений самого русского языка и речевых практик его использования.

Слова года в свете речевых особенностей русской культуры

По оценкам специалистов, в наши дни эмоциональное содержание отечественного публичного дискурса доминирует над рациональным, которое, в свою очередь, резко обедняется (Карасик 2010). Высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков, ее любовь к крайним и категоричным моральным оценкам отмечает А. Вежибцкая, проводящая сравнительный анализ множества языков (Вежибцкая 1996). Так, в частности, исследуя «активные» эмоциональные глаголы в русском и английском языке, она показала, что первый в сопоставлении со вторым имеет гораздо более широкий набор глагольных средств выражения эмоций, позволяющих очень тонко их разграничивать. *Тосковать, скучать, грустить, волноваться, беспокоиться, хандрить, унывать* — большинство перечисленных лексем, по утверждению А. Вежибцкой, «совершенно не переводимо на английский язык» (Вежибцкая 1996: 42). Обилие языковых средств выражения эмоций и чувств, характерное для русского языка, подталкивает к выводу об усиленной эмоциональности русской культуры в целом, ибо все, что для культуры важно, неизменно обретает в ней лексикализацию. Превалирование эмоционального компонента над логико-рациональным выявил и автор этих строк, исследуя политический дискурс — предвыборные печатные издания партий-участниц выборов в Государственную думу и петербургский ЗАКС 2016 года. Казалось бы, избирая объектом анализа ту разновидность политического дискурса, в которой он наиболее прозрачно выступает инструментом борьбы за власть, естественно ожидать выявления примата рационального над эмоциональным, доказательства над убеждением и внушением. В результате обнаружилась обратная картина. Вместо программных заявлений, раскрывающих основные цели общественного переустройства и пути их достижения, идущие на выборы партии сфокусировались на позитивной самопрезентации и дискредитации политиче-

ских оппонентов. Аполлогизация и критика — именно те коммуникативные стратегии, которые базируются на оценочной перенасыщенности дискурса. Как следствие, усиливается его эмоциональность. Гипертрофия эмоционального приводит к расширению способов выражения эмоциональности в языке (Карасик 2004).

В обширном арсенале оценочных средств русского языка особое место занимает класс прагмем — слов, имеющих двоякое, предметно-оценочное (точнее, референциально-оценочное) значение. Примеры таких слов — **распад, пережиток, тирания, бездуховность, разбазаривание**. К вариантам с противоположной, позитивной оценкой — **единство, обновление, активность, идеал, хозяйственность** — любят прибегать в своих речах представители власти. Оба значения в прагмемах слиты воедино и неотторжимы, что превращает их, по сути, в свернутые суждения, где есть субъект и предикат, выраженный оценкой (Эпштейн 1991: 31–32). Прагмемы имеют чрезвычайно высокий потенциал воздействия на реципиента. Такие слова Д. Болинджер назвал когда-то заряженным оружием, стреляющим каждый раз по воле говорящего и даже произвольно. Сравнивая лексику русского и французского языков, В.Г. Так установил: «очень часто одному стилистически нейтральному французскому слову соответствует несколько русских слов с различной стилистической характеристикой (отрицательной, положительной, нейтральной)» (цит. по Эпштейн 1991: 32). Так, французскому *fameux* соответствуют три оценочных русских коррелята: знаменитый, известный и пресловутый. Подобный «синтезм», сращение в прямом значении лексемы ее предметного содержания и оценки, был признан отличительной особенностью лексической системы русского языка. М.Н. Эпштейн, пытавшийся еще в 90-е годы ушедшего века определить долю прагмем в русском языке, приравнял ее к пятой части всего словарного фонда (там же), что говорит само за себя. С учетом сказанного об оценочной насыщенности современного российского публичного дискурса можно предположить, что класс прагмем русского языка задействован в нем сверхактивно, а их число, по крайней мере, не уменьшается. К последнему предположению подводят и материалы конкурсов «Слово года»: их призеры в большинстве своем — прагмемы с очень сильным оценочным потенциалом, уже вошедшие в систему языка или новоиспеченные, которые только ждут своей дальнейшей участи. Отличительные свойства многих из них — их яркий негативный ореол и насмешливый, ироничный тон, являющиеся в совокупности подлинно массовым и самым доступным, не требующим разрешений от власти, способом противостояния ей. Их эмоциональность и «синтезм» отвечают духу русской языковой традиции.

Аналитики русской культуры не раз отмечали ее парадоксальность, дуализм ее ценностных установок. Проследивая динамику русской культуры вплоть до XVIII века, Б.А. Успенский и Ю.М. Лотман пишут в своем совместном труде о ее принципиальной полярности, наличии в ней двух оценочных полюсов при отсутствии нейтральной аксиологической зоны (Успенский, Лотман 1996). «В реальной жизни западного средневековья оказывается возможной широкая полоса нейтрального поведения, нейтральных общественных институтов, которые не являются ни «святыми», ни «грешными», ни «государственными», ни «антигосударственными», ни хорошими, ни плохими. Эта нейтральная сфера становится структурным резервом, из которого развивается система завтрашнего дня» (Успенский, Лотман 1996: 340). В системе же русского средневековья, указывают авторы, господствовала принципиальная полярность: поведение либо грешное, либо святое, светская власть либо божественная, либо дьявольская. Новое мыслилось не как продолжение, а как радикальное отталкивание от предыдущего, выворачивание старого наизнанку. Многочисленные примеры противоречивости, склон-

ности к самоотрицанию, *вывертам, выкрутасам, надрываю* и *надломаю* русской культуры, относящимся уже к XIX и XX веку, находим в работах С.С. Аверинцева, Ю.М. Лотмана, М.Н. Эпштейна. Последний из упомянутых исследователей культуры называет характерный для России переход от тезиса к антитезису путем усиления первого, доведения его до чрезмерности и превращения в свою оценочную противоположность иронической диалектикой, поскольку она возвращает к исходному тезису, но уже со знаком минус (Эпштейн 2015: 6). Бинарность культуры, отсутствие в ней нейтральной зоны отрицает постепенную эволюцию, оборачивается «вращательной» моделью развития. Ее, в частности, мы нередко наблюдаем на языковом уровне, при заимствовании иноязычных слов. Когда общеизвестное ныне слово менеджер, отсылающее не столько к конкретной профессии, сколько к определенному образу жизни, культуре «белых воротничков», только вошло в наш язык, оно тут же получило парный аналог — новообразование *манагер*. С помощью оценочно противоположной исходному слову транслитерации было выражено ироническое отношение к данной культуре с ее стабильной работой, стабильной зарплатой, стабильными привычками и, наконец, просто стабильной жизнью (Кронгауз 2012: 98). Похожая история с заимствованием английских лексем *creative* и *PR*. Первая породила на русской почве неологизмы *креативчик* и *креативничать*, ставшие маркерами низкопробной рекламы, вторая обросла производными *пиарить*, *пиарничать*, *пиарщик*, *(за)пиариться*, наполненными негативными коннотациями. Обращающая на себя внимание лингвистов (Эпштейн 2014) особенность русских речевых практик не просто использовать заимствования для заполнения каких-то смысловых лакун, но одновременно для придания иноязычным словам отрицательной, пародийной экспрессии, превращающей их в оценочные перевертыши, отвечает духу русской культуры в целом. То же можно сказать и об игре на понижение, результаты которой воплощены в словах, выражениях и фразах года, когда оценочно нейтральные или, чаще, положительно окрашенные высказывания власти подвергаются негативным трансформациям.

Слова года как противоядие лексической девербализации

Посмотрим на слова, выражения и фразы года, как с насмешливой тональностью, так и без нее, в перспективе современного состояния русского языка и сложившихся на сегодня тенденций его использования. По заключению лингвистов, в настоящее время в массовой культуре наблюдается процесс «девербализации», под которым понимается упрощение языковых средств общения, проявляющееся на всех уровнях языковой системы: лексическом, синтаксическом, стилистическом, семантическом, аргументативном (Карасик 2010: 120). Синтаксис заметно сворачивается, из употребления постепенно выходят сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, в Сети нас окружают короткие и резкие простые сообщения, без анафор и катафор, т.е. лишенные отсылки к информации внутри текста (Гусейнов 2012: 7). Под влиянием рекламы, систематически упрощающей синтаксис, набирает силу унификация падежного управления. Нам все чаще предлагается *пастила со вкусом йогурт, зефир со вкусом ваниль*. Вместо нормативного управления между существительными мы регулярно сталкиваемся с подменяющей его исходной словарной формой зависимого слова (Левонтина 2010: 212). Снижается стилизовый регистр за счет усиления разговорности, просторечности, жаргонности высказываний (Кронгауз 2005). В активном ходу бранные слова вплоть до обсценной лексики, которая, по убеждению специалистов, чревата тем, что неприметным образом навязывает циничское представление о реальности и подает его как нечто само собою разумеющееся, не имеющее альтернатив (Шмелев 2005).

Семантически речевые практики не справляются с тем объемом иностранных неологизмов, которые отличают текущую сетевую коммуникацию. Ю.В. Щербинина — автор словаря-справочника новейших терминов и понятий (Щербинина 2015) — называет современную социокультурную ситуацию «лексическим взрывом», имея в виду стремительное и неконтролируемое заполнение речевого пространства множеством новых иноязычных слов, что уподобляет общение в соцсетях викторине на знание английского (там же). Частично эти новые слова (**аудиокнига, автограф-сессия, лонг-лист**) уже довольно известны: они успели закрепиться в нашем обиходе, хотя еще и не зафиксированы большинством академических словарей, поскольку те включают их в лексический арсенал языка далеко не сразу, а спустя достаточно длительное время. Однако огромное количество англицизмов практически не освоены. На просторах Рунета, в традиционных СМИ мелькают различные названия профессий (**хедхантер, копирайтер, фандрайзер**), термины из сферы бизнеса (**флаер, продакт-плейсмент, бэк-лист**), компьютерных технологий (**шингл, буктубер, эзин**) и многое другое. Их значения туманны, а то и вовсе не известны ни коммуникаторам, ни реципиентам, контексты их употребления неустойчивы и крайне изменчивы, конвенции по поводу их использования отсутствуют. Семантическая неопределенность таких слов препятствует возможности их анализа, критического осмысления и систематизации. Множатся ошибки и заблуждения. Подобным лексемам еще только предстоит получить статус заимствований, пройдя непростой путь определения и согласования объема и содержания их означаемых. Какая-то часть слов будет включена в общую систему русского языка, какая-то останется на периферии употребления. Пока что они фигурируют в речи как агнонимы — лексические единицы, не освоенные большинством носителей русского языка — или, в лучшем случае, как варваризмы — чужие слова с непривычным звучанием и непонятным значением. Внедрение их посредством СМИ в публичный оборот делает из них модные ярлыки, способные привлечь внимание аудитории и демонстрирующие «образованность» говорящих, но затемняющие социальную коммуникацию. Вместе с тем, по утверждению специалистов, в наши дни размывается семантика многих русских слов, имевших в прошлом активное хождение. Процесс этот, именуемый синдромом семантического опустошения, затрагивает не только обозначения исчезнувших реалий, что вполне объяснимо, но, к сожалению, и вечные слова, причастные к религиозной и нравственной тематике (Фрумкина 2006; Левонтина 2016). Их значения как бы выветриваются, лексемы десемантизируются и функционируют как своеобразные слова-пустышки, у которых форма сохранена, а смыслового наполнения нет. О доминировании эмоционального содержания публичного дискурса над рациональным речь уже шла. В аргументативном плане указанное явление свидетельствует о преобладающей установке коммуникаторов не на логическое доказательство, а на убеждение. Предпочтение отдается не приведению строгих рациональных доводов и фактов, подтверждающих истинность формулируемых тезисов, а, напротив, эмоциональному воздействию на аудиторию, убеждающему в их правильности. Когда-то Б.Ф. Поршневым было высказано предположение, подхваченное М.Ю. Лотманом, что первоначальной функцией слова на заре человечества было его суггестивное воздействие — внушение, подчинение не через рассудок, а через чувство (Кара-Мурза 2007; Лотман 2001). Возможно, внушаемость посредством слова есть, действительно, «глубинное свойство психики, возникшее гораздо раньше, нежели способность к аналитическому мышлению» (Кара-Мурза 2007:78). Но в XXI веке аудитория ждет от сообщений СМИ не внушений и убеждений, а фактов и их аналитики, что идет вразрез высказываниям о бандерлогах и пятой колонне. Снижается общая культура речи: перестают склоняться числительные, унифи-

цируются, повторим, падежные окончания, падает престиж грамотности. Сегодня мы охотно произносим год 20-17, публичные выступления обнаруживают разнообразные речевые ошибки, а доступные массовой аудитории интернет-форумы мирятся с любой безграмотностью. Между тем, вышеперечисленные индикаторы девербализации не дают, на наш взгляд, оснований говорить о порче русского языка: он по-прежнему велик и могуч. Более резонным нам представляется вывод лингвистов, констатирующих снижение речевой культуры, падение уровня владения языком (Шмелев 2005).

На лексическом уровне процесс девербализации соотносится исследователями со сверткой словника, производного от глубинных русских или славянских корней, что изменяет его качественные характеристики (Кара-Мурза 2007, Эпштейн 2006). Интенсивному внедрению множества новых заимствований, о котором уже шел разговор, в настоящее время сопутствует выпадение из активного употребления целых пластов исконно русской лексики. Исследователи фиксируют, например, постоянное сужение терминов родства, по которым русский язык некогда считался одним из самых богатых. Часть наименований попросту забыта, другая их часть перекочевала в так называемую пассивную лексику (Кронгауз 2012). Печально, что из текущего публичного дискурса постепенно вымываются слова поля морали. «Лет двадцать пять назад многие люди независимо друг от друга стали замечать, что куда-то подевалось слово порядочность», — замечает в своей книге И.Б. Левонтина (Левонтина 2016: 134). Национальный корпус русского языка, отражающий его современное состояние во всем многообразии жанров и стилей, подтверждает полное отсутствие лексем порядочность, бескорыстие, милосердие в его мультимедийном подкорпусе, имеющем объем свыше трех миллионов лексических единиц (Национальный корпус русского языка 2017). В ходе собственных лингвосоциологических экспериментов в вузовских аудиториях автор статьи, предлагая студентам письменно изложить свое понимание слова альтруизм, не раз наталкивался на отказ по причине того, что стимульное слово молодым людям незнакомо.

Внедрение в наш лексикон массы заимствований, без сомнения, количественно с лихвой восполняет убыль, однако оно оборачивается качественными и не всегда безобидными последствиями. Не задерживаясь на их лексикологической, стилистической, герменевтической, гносеологической проблематике (Колесов 2004), поясним лишь общекультурную обеспокоенность, порождаемую тем, что заимствования отчасти преобразуют структурную основу русской ментальности. Этот процесс протекает латентно, и он не всегда желателен. Ведь каждый язык несет в себе присущий лишь ему способ концептуализации действительности, ее восприятия и оценки, которые фиксируются в значениях слов и выражений данного языка, причем в неявном виде. Перенимая чужие слова, мы невольно перенимаем и заключенный в них взгляд на мир, что незаметно, но неуклонно меняет нашу ментальность. Проблема настолько важная, что в некоторых государствах запрещено спонтанное тиражирование англицизмов в рамках своих национальных языков. Известное высказывание Р. Блэкара вторит сказанному: «Произнося одно-единственное слово, говорящий вынужден занять позицию и осуществлять воздействие» (Блэкар 1987). Так, приобретший ныне популярность англицизм *контент* понуждает свыкнуться с отрывом «формы» от «содержания». Если раньше оба концепта привычно сосуществовали в их диалектическом взаимодействии, то теперь под *контентом* понимается «информационно значимое наполнение информационного ресурса» (Левонтина 2016: 39). Новое заимствование получило парную лексему формат, которая мыслится как некая первичная и диктующая все остальное оболочка, куда можно «залить» совершенно разный контент. В паре же слов *формат/контент*, констатирует И.Б. Левонтина, схвачена сама суть цивилизационного слома, вызвавшего от-

рыв формы от содержания и обусловленного галопирующим развитием информационных технологий (Левонтина 2016: 42-43). Замена же русского слова *терпимость* модным западным коррелятом толерантность имеет следствием утрату смысловой связи с глаголом *терпеть*, имеющим значение «мириться с наличием, существованием кого-, чего-либо неприятного» (Большой толковый словарь русского языка 1998: 1319) и признание права другого человека на инакомыслие и инакодействие, оценочно нейтральные, с позиции говорящего.

Сокращение больших семейств русских слов и отсутствие новых дериватов от исконно русских корней, т.е. убыль и недоход, образно именуемые М.Н. Эпштейном «облысением словолеса» (Эпштейн 2006), на наш взгляд, все же частично компенсируют неологизмы-участники конкурса «Слово года». Они обнаруживают отнюдь не только креативность их создателей, их языкотворческий потенциал и способность к критическому осмыслению реальности. Претендующие на победу в конкурсе новые слова, в преобладающей своей массе, генерированы на словообразовательной базе русского языка, с помощью его морфем. Эти слова, возникающие как почти мгновенная реакция общества на официоз, исходящую от власти информацию протокольного характера, воспроизводят словообразовательные модели родного языка, подтверждая их живучесть и продуктивность. Собранный организаторами конкурса массив неологизмов, без преувеличения, позволяет исследователям проводить разносторонний анализ словообразовательных приемов и средств русского языка; его мы находим, к примеру, в работе О.С. Иссерс (Иссерс 2014), сфокусированной на включенной в общую политическую дериватологию картине современной России политического словообразования. Слова (и в первую очередь неологизмы), выражения и фразы года — настоящий полигон для изучения феномена языковой игры — всевозможных экспериментов по манипулированию языком, базирующихся «если не на аномальности, то, по крайней мере, на необычности использования языковых средств» (Санников 2002). Таким образом, даже в век неизбежной глобализации и интернационализации технолектов не прекращается живое русское словообразование. И хотя далеко не все неологизмы пополняют лексическую систему русского языка, а лишь те, что впишутся в языковой универсум и войдут в лингвистический узус, привычную практику словоупотребления, но все вместе они формируют своеобразный социально-политический словарь современности. А он, являясь маркером времени и отражая общественные настроения наших дней, непроизвольно влияет на формирование мировоззрения и поведенческих установок людей.

Заключение

Специализированные словари определяют диалог как разговор между двумя или несколькими лицами (Большой толковый словарь русского языка 1998), как переговоры, свободный обмен мнениями между двумя сторонами (Современный словарь иностранных слов 1993), как текст, создаваемый двумя партнерами по коммуникации (Культура русской речи 2003). В словарных дефинициях подчеркивается, что диалог — единое тематическое целое, составленное из высказываний адресанта и адресата и реализующее некоторую программу развития коммуникации, подчиненную ее интенциям. Контентные употребления слова диалог в современном российском сетевом общении вносят в его семантику сопутствующие нормативные смысловые приращения: обсуждение предмета разговора с разных сторон, возможность свободной артикуляции своих позиций участниками диалога, столкновение различных, вплоть до прямо противоположных, взглядов на обсуждаемое, уважение к оппоненту и учет его мнения (Иссерс, Ганеева 2013). Отталкиваясь от изложенных нормативных представлений о диалоге, следует констатировать,

что в настоящее время никакого прямого диалога власти с обществом не существует. Заявления последней о том, что она открыта к диалогу, на деле голословны: власть ждет от общества полного сплочения, а всех несогласных с ее решениями воспринимает как «раскачивающих лодку». Пятая колонна и национал-предатели в речах политических лидеров страны — не только индикаторы ужесточения коммуникации, но, как подчеркивает М. А. Кронгауз, подтверждения окончательного закрытия диалога между властью и обществом (Кронгауз 2015).

Однако остается непрямой диалог, обмен репликами, в которых представители разных социальных групп проявляют свое отношение к происходящему. Эти реакции на высказывания и действия властей, как видно на массиве слов, выражений и фраз, рассматриваемых в конкурсах «Слово года», нередко несерьезны, несут в себе нечто комическое, но не в форме безобидной шутки, а в иной ее оценочной разновидности — насмешке, слитой с подтекстной иронией. Подобные реакции преднамеренны и полифункциональны, они призваны объективировать дистанцированность от власти. Порой в них сквозит агрессивность говорящих, их резкое несогласие со сложившимся положением дел, порой они помогают преодолеть страх. За насмешкой может скрываться депрессия, апатия, усталость, неверие в лучшее будущее, отчаяние, когда кажется, что едкая шутка — единственно возможный способ борьбы с окружающим злом. Насмешка может помогать избавляться от дурных чувств и служить средством самозащиты или самоутверждения. Чем насмешка является всегда, так это инструментом снижения оценки. Последняя неизменно сдвигается по оценочной шкале влево, в сторону отрицательного полюса. В непрямом диалоге с властью с помощью насмешки и иронии идет непрекращающаяся игра на понижение оценочных смыслов, часто заканчивающаяся полным оценочным переворотом, когда позитив в пафосном официозе превращается в свою противоположность.

Оценочные перевертыши, как сказано ранее, никак не противоречат духу русской культуры, а, напротив, всецело отвечают ему. Несущие же насмешку языковые единицы только усиливают и без того повышенный эмоциональный тон современного российского публичного дискурса, а также его оценочную насыщенность. В них русская культура, обеспокоенная расширением языковых средств выражения эмоциональных состояний и чувств, находит искомую поддержку. Заодно пополняется и арсенал оценочной лексики в той его части, которая характеризуется наибольшим воздействующим потенциалом, привносимым синтетизмом прагмем, их двоящим, предметно-оценочным, значением. Заряженные насмешкой неологизмы, создаваемые, как правило, на русской словообразовательной базе, хотя бы отчасти, но восполняют потери исконно русского словника, понесенные в ходе общего процесса девальвации, затронувшего и лексический уровень языка. Активное словотворчество говорит в пользу живучести и эффективности бытующих в русском языке словообразовательных моделей.

Между тем все вышеназванное не отменяет главного: необходимости полноценного и всестороннего диалога власти и общества. Слова года убеждают, что существует сегмент общества, предпочитающий не прибегать к политическому официозу, а объясняться с помощью языковой игры на понижение. Это те, кто не хочет пользоваться лексическими фантомами (термин Б.Ю. Нормана) — языковыми знаками, утратившими свой денотат, реальный объект обозначения, кто устал от бесконечных апелляций к экономическим реформам в условиях отсутствия какой-либо четкой и выполняемой правительством программы действий, кто вслед за призывами власти к конструктивному диалогу хочет быть услышанным и видеть ее готовность воспринимать несогласное меньшинство как необходимый механизм самоконтроля. Это те, без кого гражданское общество в России немислимо.

Литература

- Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987, с. 88-125. (http://www.studmed.ru/view/blakar-rm-yazyk-kak-instrument-socialnoy-vlasti_5562e1ca816.html) (дата обращения 28.06.2017).
- Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб.: «Норинт», 1998.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1996.
- Гуляев С. Не подведу! // Вместе — победим! (выпуск предвыборного издания команды кандидата в депутаты ЗакСа СПб Сергея Гуляева), 2016, 2.
- Гусейнов Г.Ч. Нулевые на кончике языка: Краткий путеводитель по русскому дискурсу. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012.
- Иссерс О.С. В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени сквозь призму проектов «Слово года» // Политическая лингвистика, 2014, 4 (50), с. 48-53.
- Иссерс О.С., Ганеева Д.А. «Новое русское слово» в контексте политического дискурса: диалог, оппозиция, креативный класс // Политическая лингвистика, 2013, 3 (45), с. 37-47.
- Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. М.: Академический Проект, 2007.
- Карасик В.И. Языковая матрица культуры. — М.: Гнозис, 2013.
- Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. — М.: Гнозис, 2010.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004.
- Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004.
- Кронгауз М.А. Краткий курс новояза // Вопросы литературы, 2015, 1. (<http://magazines.russ.ru/voplit/2015/1/1k-pr.html>) (дата обращения 22.06.2017).
- Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. 3D. М.: Астрель: CORPUS, 2012.
- Кронгауз М.А. Заметки рассерженного обывателя // Отечественные записки, 2005, 2 (23). (<http://www.strana-oz.ru/2005/2/zametki-rassershennogo-obuyatelya>) (дата обращения 11.05.2017).
- Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. — М.: Флинта: Наука, 2003.
- Левонтина И.Б. О чем речь. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2016.
- Левонтина И.Б. Русский язык со словарем. — М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010.
- Лотман Ю.М. О динамике культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. — СПб.: «Искусство-СПб», 2001, с. 647-661.
- Национальный корпус русского языка. 2017. (<http://www.ruscorpora.ru/search-murco.html>) (дата обращения 27.07.2017).
- Санников В.З. Русский язык в свете языковой игры. — М.: «Языки русской культуры», 1999.
- Современный словарь иностранных слов. — М.: Русский язык, 1993.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. — М.: Флинта: Наука, 2003.
- Столочич Л.Н. Слово, которое было в конце. Конкурс слов 2011 года и десятилетия 2001-2011 как материал для социологических раздумий. // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012, 1 (91), с. 31-34.
- Успенский Б.А., Лотман Ю.М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) / Успенский Б.А. Избранные труды. Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996, с. 338-380.
- Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М.: Издательский центр «Академия», 2006.
- Шмелев А.Д. Ложная тревога и подлинная беда // Отечественные записки, 2005, 2 (23). (<http://www.strana-oz.ru/2005/2/lozhnaya-trevo-ga-i-podlinnaya-beda>) (дата обращения 25.04.2017).
- Шербинина Ю.В. Книга — текст — коммуникация. Словарь-справочник новейших терминов и понятий. — М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2015.
- Эпштейн М.Н. Ирония идеала: парадоксы русской литературы. — М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Эпштейн М.Н. Язык — не зеркало общества... Вербальные итоги 2013. Беседа с журналистом Андреем Архангельским. 03.01.2014. // Сноб. (http://snob.ru/profile/27356/blog/70175#comment_681703) (дата обращения 02.04.2017).
- Эпштейн М.Н. Слова как символы эпохи // Беседа с журналисткой Ксенией Лариной. 05.01.2013. // Сноб. (http://www.snob.ru/profile/27356/blog/70248#comment_683001) (дата обращения 05.05.2017).
- Эпштейн М.Н. 2006. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя, 2006, 1. (<http://magazines.russ.ru/znamia/2006/1/ep13.html>) (дата обращения 17.05.2017).
- Эпштейн М.Н. Слово как произведение. О жанре однослова // Эпштейн, Михаил. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук — М.: Новое литературное обозрение, 2004, с. 254-320.
- Эпштейн М.Н. Идеология и язык. Построение модели и осмысление дискурса // Философская и социологическая мысль, 1991, 6, с. 29-47.